

*Посвящается моей бабушке,
которая всегда учила меня не опускать руки
и бороться за свое счастье.
Вечная память тебе*

Глава 1

Вера

— Поступила! — воскликнула я, размахивая письмом из Московского университета. — Я поступила!

Мама и папа встали из-за стола и крепко обняли меня. Мы, гордые и счастливые, замерли, не в силах разомкнуть объятий. На кухне воцарилась тишина. Пахло папиным любимым чаем с имбирем и свежее испеченными булочками, которые я посыпала корицей буквально десять минут назад — перед тем, как почтальон позвонил в нашу дверь.

— Верочка! — со слезами на глазах воскликнула мама, наконец выпуская меня из объятий. — Я так рада! Так рада!

— Горжусь тобой, моя девочка! — подхватил отец, хлопая меня по плечу.

— Я буду учиться в Москве! — Как бы я ни сдерживала себя, все равно из глаз хлынули слезы счастья и облегчения.

— Я всегда знал, что ты сможешь! Не зря ты так упорно училась весь год.

— Это все благодаря вам, — сквозь слезы проговорила я и снова обняла родителей.

Радости не было предела. Я ведь мечтала пойти по стопам старшей сестры и поступить в МГУ. В университет, который до сих пор считается одним из самых престижных высших учебных заведений нашей страны! Я точно знала, что его выпускникам открывается огромное количество возможностей. И это было то, к чему я стремилась всем сердцем и душой.

И вот я теперь студентка первого курса факультета психологии.

— Надо позвонить Алине и сказать, что ты поступила! — радостно воскликнула мама.

Но я сказала, что сама ей позвоню, и вприпрыжку от распирающей меня радости побежала в свою комнату. Плюхнувшись на кровать и взяв в руки телефон, набрала номер сестры.

С каждым новым гудком в трубке мне становилось все тревожнее. Я то и дело закусывала губу, закидывала ногу на ногу в ожидании заветного «Алло». И уже хотела было отключиться, как бархатистый мужской голос произнес:

— Алло?

Это был Дмитрий. Жених моей сестры, в которого я тайно была влюблена с самого детства. Алина встречалась с Димой уже давно, с первого курса университета. Но до сих пор они не узаконили свои отношения. Я нервно сглотнула. Сердце бешено заколотилось, как только ко мне пришло осознание того, что это не сон.

— А... Эм... Дим, а Алина где?

— Она в ванной, привет.

— Привет, — прошептала я в трубку, не зная, что спросить еще.

— Что-то случилось? — Вопрос парня застал меня врасплох. — Ты какая-то взволнованная!

— Да так... — проямлила я, осознавая, что очень хочу рассказать Диме о том, что поступила. О том, что моя маленькая мечта вот-вот исполнится, но... Мы с ним не общаемся. А то, что он без пяти минут муж моей старшей сестры, не дает мне права с ним откровенничать.

Набрав побольше воздуха в легкие, я собралась с мыслями и протараторила:

— Скажи, чтобы она мне перезвонила!

— Все в порядке?

— Да... то есть...

— Вера?!

Когда он называет меня по имени, по телу пробегают огромные табуны мурашек. Его голос звучит в голове так нежно и мягко... «Вера».

— Пока, — я прервала наш разговор, не придумав, как его продолжить.

Мои руки трясутся.

Сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

...Я часто вспоминаю нашу первую встречу с Димой. Мне было лет двенадцать, когда сестра впервые привела его в наш дом. Как сейчас помню, это случилось в конце лета. Когда солнце было уже не таким палящим, а ранние яблоки усыпали выжженную траву в нашем саду.

Алина только поступила в МГУ на факультет государственного и муниципального права, набрав самый высокий проходной балл. Мать скрепя сердце отправляла Алину в Москву, переживая из-за того, что с ней что-то может случиться. А мне было тоскливо, что больше не с кем будет спорить по вечерам или играть в шахматы по воскресеньям. Ей было тогда восемнадцать. Еще совсем юная и глупая, как выражалась наша бабушка. И вот там, в приемной комиссии, она встретила Диму. Накачанный парень, красивый и далеко не дурак. Его родители работали в финансовом отделе крупной компании, поэтому в деньгах он не нуждался. Увидев Алину, Дима сразу решил, что они будут прекрасной парой.

Конечно, Алина как была красивее меня, так и осталась... Длинные шелковистые волосы цвета спелой ржи, большие голубые глаза, курносый нос, пухлые губы и хорошая фигура. Остра на язык, всегда знает, чего хочет, не дает себя в обиду — ну как в такую не влюбиться? Вот Дима и влюбился.

Он стоял на пороге, с любопытством разглядывая нашу семью. А я заглянула в его зеленые глаза и поняла: это очень добрый человек. Я заволновалась, бросилась бежать, но его тихий бархатный голос остановил меня:

— Ты та самая Вера?

И я замерла на месте. Дима опустился на одно колено, заглянул мне в глаза, которые я, смущаясь, старательно отводила, и протянул мне мягкую иг-

рушку — маленького мышонка. Трясущимися руками я приняла подарок.

— Это тебе, — добавил он, и тогда я поняла, что влюбилась.

Как самая маленькая и глупая девочка на всей планете.

Крепко. И без возврата.

Он улыбался белоснежной улыбкой, восхитительнее которой я никогда не видела. Дима был настолько красив, что я совершенно забыла все правила приличия. Однако моя дорогая матушка мне о них постоянно напоминала. Сделала она это и сейчас.

— Что нужно сказать, Вера? — подсуетилась она, вернув меня к реальности.

— Спасибо, — пробубнила я, упираясь взглядом в пол от дикого смущения.

А после мы сидели за одним столом, пили чай и ели торт. Алина рассказывала о Москве и о том, как там здорово. Квартира, которую она снимает вместе с девочками, располагается далековато от университета, но она намного приличнее общежития. А я не слушала ее, пытаюсь разобраться в себе и том, что произошло. Теряя игрушку под столом, я то и дело искоса смотрела на Диму.

А Дима сидел и с любовью смотрел на мою сестру. От всего происходящего я чувствовала себя неуютно. Да и рассказать мне было нечего, кроме как о своей успеваемости в школе и огороде, к которому мы с мамой были прикованы с начала весны до поздней осени.

С каждым годом сестра с парнем приезжали все реже и реже. А в последние два года, когда Алина уже вышла на работу, мы лишь созванивались по видеосвязи, и то на праздники. Алина говорила, что Дима часто ее баловал: дарил дорогие подарки, водил в рестораны. Мне казалось, что их любовь похожа на ту, что показывают в фильмах: красивая, крепкая, вечная. И мне хотелось того же.

...Я закусила губу, вспоминая тот день. Из глаз хлынули слезы. В голове витала идиотская мысль: я влюбилась в жениха своей старшей сестры.

Однако я никогда не расскажу ей об этом. Ни под каким предлогом.

Ни за что.

* * *

Сестра смогла разделить со мной радость по поводу столь знаменательного события лишь к вечеру. Пока мама всю собирала меня в Москву, а отец обзванивал знакомых в поисках комнаты или квартиры, раздался телефонный звонок.

Я ответила на входящий.

— Привет, сестренка! — радостно сказала Алина в трубку.

— Привет...

— Прости, я так закрутилась, — оправдывалась сестра, томно вздохнув в трубку. — Что у тебя нового?

Я не имела права обижаться на нее, ведь она всегда была примером для меня. Она та, кто смо-

жет помочь в трудную минуту. Могла помочь... Теперь-то мы с ней далеко друг от друга.

Мы выросли из того возраста, когда могли обижаться на всякие глупости, вроде: «Ты не ответила на телефонный звонок» или «Почему ты взяла мою кофту без спроса?». По крайней мере, мне так кажется. Алина не делится со мной подробностями своей жизни так, как делилась несколько лет назад. Мама говорит, что Алина просто строит свою жизнь, нужно лишь подождать, когда она сошьет гнездышко, — и тогда все придет в норму. Но я не до конца верю в это.

Мне казалось, что сестринскую любовь не разбить ничем. Но я ошибалась.

— Я поступила в МГУ! — с гордостью сообщила я, но так тихо, что сестра могла не расслышать.

— Подожди секундочку, — сказала она. Мгновение спустя раздался шум воды. — Все, я поставила тебя на громкую связь! — А следом и грохот посуды. — Блин, сестренка! Это так круто! — проговорила сестра, шурша чем-то.

Но я не слышала в ее голосе радости.

Она сказала это слишком ровно.

— Вот сегодня пришло письмо, — начала я застенчиво рассказывать, — в котором написано, что я теперь студентка первого курса МГУ факультета психологии!

— Я всегда верила в тебя, крошка! — ахнула Алина, но тут мужской голос перебил ее:

— Что за шум?

Это был Дима. Его голос я ни с кем не спутаю.

— Ты представляешь, зай, — начала говорить сестра Диме, — Вера поступила в МГУ!

— Ничего себе! — воскликнул тот удивленно, и мое сердце вновь екнуло.

В его голосе я слышала больше радости за меня, чем в голосе сестры. Ну, либо мне так показалось.

— Вера! Да я тебя поздравляю! Молодчинка!

Я обомлела. Из его уст слова всегда звучали более ободряюще, чем из чьих-либо еще. Голос Димы был для меня чем-то особенным, как маленький мотивационный пинок. Представив, как Дима сейчас стоит передо мной и говорит это, я почувствовала, что заливаюсь краской.

— Спасибо большое, — с трудом проговорила я.

— Вера, а ты в общежитии будешь жить? — спросила сестра, все так же гремя посудой.

— Не знаю пока... Отец ищет подходящее место для меня по знакомым...

— Зачем?! — воскликнула она. — Остановись у нас!

— Да, Вера! Остановись у нас! — подтвердил Дима, и его голос стал четче. Мне показалось, что он ближе подошел к трубке телефона. — Мне хоть будет с кем поболтать время от времени. А то твоя сестра вечно на конференциях, в разъездах и на корпоративах.

Послышался глухой удар. А следом через смех мужское: «Ай!»

— Не слушай его, он дурачок! — Сестра всегда любила игриво Диму принизить. Вот и сейчас не упустила случая.

— Но я не хочу вам мешать... — Чувствуя, как виновата перед сестрой, что напрашиваюсь, чтобы сэкономить сбережения родителей, я ощущала себя крайне неудобно.

— Ты не будешь нам мешать, сестренка! Даже не думай об этом! — сказала Алина. — У нас трехкомнатная квартира, с большой гостиной. Так что места хватит всем! Тем более я давно тебя не видела... Давай к нам хотя бы на первое время!

— Да, послушай сестру! Она глупостей не скажет! — передразнивал ее Дима, и они засмеялись.

— Мне как-то неудобно, Алин...

— Просто пообещай, что не будешь приводить мальчиков без спросу, и свободная комната твоя!

Я закусила губу и откинулась на кровать. В трубке слышались какие-то шорохи и мужской шепот, который я не могла разобрать. Нервно сглотнув, я наконец-то сказала:

— Хорошо... только нужно маме сказать.

— Ура! — воскликнула сестра. — Позвони мне, когда будешь знать дату приезда!

— Тебе еще мама не раз позвонит...

— Вера, не переживай! Мама даже за меня волнуется, хотя я... в надежных руках.

Я почувствовала сквозь трубку, как, возможно, сейчас тот, кого я люблю, нежно касается губами плеча сестры или смотрит полными любви глазами

на нее. Мое воображение разыгрывалось быстрее, чем я пыталась это осознать. И в тот же момент сердце сжалось от того, что мне придется это тщательно скрывать. Перед сестрой. Перед Димой. Перед собой.

— Ладно, я пойду, дел полно... — Мне захотелось как можно быстрее закончить разговор, и, ничего умнее не придумав, я сказала самое банальное, что первым пришло в голову.

— Не забудь мне позвонить! Пока!

— Пока! — сказал Дима, и звонок завершился.

Я осталась лежать на кровати, с трубкой, прислоненной к щеке, слушая тишину и свой пульс, который отдавался отбойным молотком в висках.

Не веря тому, что происходит, я хотела одновременно и радоваться и плакать. Радоваться потому, что наконец-то буду учиться той профессии, которая мне интересна.

А плакать потому, что никогда в жизни не смогу признаться Диме в своих чувствах.

Глава 2

Вера

Всю неделю я судорожно ждала того дня, когда приеду в Москву. К сестре. К нему.

Когда я соглашалась на эту авантюру, то совершенно не подумала о том, каково будет мне самой: комфортно? уютно? Как я буду чувствовать себя рядом с ним? Как при этом не показать свои эмоции?

«Ох, Вера! Зря ты в это ввязалась...» — сказала я самой себе, складывая платья в чемодан. Мама, кажется, не спала ночами и пыталась придумать, какие вещи мне еще будут необходимы.

— Мам, если что, я возьму что-то у Алины погонять?

— Ну детка моя, золотце! У тебя уже должен быть свой гардероб! — ворчала по-доброму матушка, пересматривая мои вещи.

— Не суетись, мам! Такое чувство, что это ты едешь в университет, а не я!

— Я просто не могу смириться с тем, что ты теперь совсем взрослая, — сказала она и всхлинула.

— Мама, ну я же буду приезжать... — сказала я и вспомнила, как Алина говорила так же прямо перед самым отъездом. «Я буду часто вас навещать!» — А после звонила лишь по праздникам.

Тем временем мать еще сильнее растрогалась от собственных переживаний. Ну как же! Последняя дочь уезжает из родительского гнездышка, оставляя родителей наедине... Я, вздохнув, подошла к маме и крепко обняла ее.

— Мама, не плачь...

Ее горячие слезы тихо капали мне на руку. Мама опасалась, что я забуду о ней. С момента переезда сестры в Москву я стала ближе к маме. Хотя раньше все внимание семьи было сосредоточено на Алине. Ей доставалось все лучшее. А меня — до того, как сестра уехала — никто не воспринимал всерьез. Мама единственная знала, что мне нравится Дима. Она стала для меня самой лучшей подругой, которую может послать Вселенная.

— Я постараюсь, дочур, — сказала она, стараясь вытереть льющиеся водопадом слезы. — Сложно отпускать птенцов из гнезда во взрослую жизнь.

— Понимаю, мама.

— Будь умницей, — начала она успокаиваться, утирать слезы. Под глазами у нее остались разводы туши. — Слушайся сестру и не делай глупостей!

— Я знаю, мам.

— Нет, — оборвала она меня на полуслове. — Услышь меня! Будь бдительна, не иди на поводу у других. Помни о том, что у тебя есть свое мнение

и характер. Не докучай сестре, и прошу... — ее голос дрогнул. — Помни, чему я тебя учила: любовь любит тишину. Ты поняла?

Я кивнула в ответ, ничего не сказав. А внутри меня все оборвалось. И показалось, что земля раскололась под ногами. Я понимаю, что слова излишни. Что бы я сейчас ни сказала, мама воспримет это в штыки, словно я пытаюсь убежать побыстрее от ее заботы, теплоты и объятий. Но это не так... Мама была права: любовь любит тишину. Она повторяла это мне неоднократно, и я с ней согласна.

В моем случае лучше молчать и не показывать своих чувств тому, кого я люблю, лишь по одной причине: он без пяти минут женат.

Перед отъездом я сплю плохо. Ворочаюсь, думаю о том, как себя вести, и до сих пор не представляю, что мне придется какое-то время жить вместе с сестрой и Димой. Мысли мучают меня, раскалывается голова. Мне удастся уснуть лишь к девяти, а через два часа звенит будильник, который лишь напоминает мне о том, что совсем скоро я буду за четыреста километров от родного дома.

Я живу в Нижнем Новгороде, не совсем уж и далеко от Москвы, однако все равно это представляло неудобства при планировании поездки. Поезд ехал шесть-семь часов, и около семи утра меня должны были встретить на вокзале. Я заранее собрала вещи, только самые необходимые, без лишней мишуры. Отец еще дремал, сидя в кресле и открыв рот, а мама суетилась, тараторя себе под нос,

что явно что-то забыла. А еще она пыталась дать мне с собой домашней закатки: помидоров, огурцов и варенья, но я кое-как ее отговорила:

— Мама! Я просто не доведу все это!

— Ну возьми хотя бы варенье, доченька! — упрасивала она меня, пытаясь засунуть банку в сумку, и без того туго набитую.

Но тут я была тверда. Нет, и точка. Взяв из маминой руки банку, я поставила ее на стол.

— Ты позвонила сестре?

— Я позвоню ей из поезда, мы с ней так договорились.

— Как только ты выйдешь из поезда и она тебя встретит, обязательно позвони, ладно?

— Мамуль, ну не суетись ты так! Не пропаду я, — пытаюсь утешить ее, но оказывается, это тщетно. Мама все равно начинает плакать и говорить о том, что ей сложно поверить в мое взросление. И пока мы возились на кухне, отец уже успел проснуться, одеться и ждал у двери, цокая языком и давая таким образом понять, что мы опоздаем. Но как только мама запричитала с новой силой, он прошел в кухню, взял в руку сумку и ласково, но твердо сказал:

— Все, дорогая, хватит плакать. Она не насовсем уезжает!

Как я была благодарна за то, что отец вмешался в разговор! От переживаний мамы меня и так потряхивало, от мыслей о Диме дергало еще сильнее.

— Знаю, дорогой, — завывала мама белугой, шмыгая носом, — знаю!

— Мам... я тебе позвоню, как только сойду с поезда, и второй раз, когда меня встретит Али-на, идет?

Мама утерла горькую слезу с щеки и добавила:
— Ладно, — а после крепко обняла.

Меня разрывали эмоции: с одной стороны, мне было грустно оставлять родной дом, с другой стороны, я уже взрослая, и пора самой строить свою жизнь. Еще раз обнявшись уже на пороге, мы вышли с отцом и, сев в машину, тронулись с места. Мама стояла и махала нам, а я ей в ответ, пока мы не скрылись за поворотом.

Меня посетила интересная мысль о том, что, когда покидаешь родной дом, начинается новый отрезок жизни. Новые эмоции, приключения, хлопоты и большой необъятный мир, исследовать который не хватит и целой жизни!

Поезд отправлялся ровно в двенадцать часов ночи. Отец не меньше мамы переживал за меня. Ведь никто не знает, что может приключиться в ночном поезде. Мама выбирала билеты в первом вагоне, поближе к машинисту и наряду полиции.

— Будь бдительна, Вера, — заезжая на парковку около вокзала, начал отец, хотя всю дорогу молчал. — Мама очень сильно переживает за тебя...

— Пап, у меня на плечах есть голова. Я понимаю, о чем ты.

Отец заглушил мотор и убрал руки с руля.

— Высшее учебное заведение — очень серьезная штука, которая учит ответственности, поэтому...

— Поэтому нужно быть осмотрительной и ни в коем случае не ввязываться в плохие компании, — добавила я, избавив отца от мучительных нотаций, которые он ненавидел.

— Да.

Отец поджал губы и крепко обнял меня за плечи. Вот и все, достаточно сдержанное, но в то же время эмоциональное прощание.

Подведя меня к поезду, он остался на перроне, прикурил сигарету и, провожая меня взглядом, махал рукой. Я устроилась на своем сиденье, практически сразу же найдя место. Билет мы купили сидячий, поэтому мне ничего не оставалось, как взять с собой книжку. Одну из самых любимых, чтобы хоть как-то скоротать время. Спать я вряд ли буду. Книга — лучший попутчик человека в жизни. Не помню, кто сказал эту фразу, однако она мне очень приглянулась.

Поезд тронулся, а отец так и стоял на месте. Я едва сдерживала слезы, которые подступали к глазам. Где-то спустя минут сорок по вагону стали ходить подвыпившие парни. И какой черт их занес именно в этот вагон, я не ведала. Однако мне было все равно. Правда, исподтишка, чисто в целях самосохранения, я смотрела на них. Их немного шатало из стороны в сторону. Один из них, заметив меня, подсел рядом на свободное место и начал надоедать:

— Че читаешь?

— Оскард Уайльд.

— Че?

— Классика это.

— Как Пушкин?

Про себя я вздохнула от тупости заданного вопроса. Сглотнув тягучую слюну, я не знала, куда деться. Кто-то спал в поезде, кто-то слушал музыку. И от равнодушия окружающих меня бросало в дрожь сильнее, чем от подступающего страха за свою жизнь.

— Да, и как «Анна Каренина», — пошутила, зная, что он не оценит шутки, потому что тупой.

— О-о-о! Хороший автор, мне нравится! — воскликнул он и положил руку на мое колено. — А ты куда направляешься?

Мое сердце бешено застучало в груди.

— Убери руку.

— Да ладно тебе, что, неприятно? — Его мерзкое дыхание дошло до меня, и меня едва не стошнило от этого.

— Неприятно, — сухо ответив, своей рукой скинула его руку с колена.

— Да ты, поди, недотрога!

Я ничего не ответила, лишь сделала вид, что читаю, в надежде, что он отстанет. Но не тут-то было. Парень начинал распускать свои руки, лапать меня, и мне ничего не осталось, кроме как громко воскликнуть:

— Убери руки от меня!

— Да тише ты, — сказал он. — Чего ты такая недотрога?

— Отстаньте от меня! — продолжила вопить и отталкивать парня.

— Ого! — воскликнул он. — Да мне нравятся такие.

— Помогите! — закричала во весь голос.

Не знаю, какие высшие силы вмешались, но тут открылись двери, и в вагон вошли проводник и охранник.

— Сюда! — крикнула я, продолжая отталкивать парня от себя. — Помогите!

Проводник и охранник быстрым шагом подошли ко мне. Некоторые люди сразу проснулись — потому что явно стало безопаснее — и всем своим видом стали показывать удивление по поводу того, что происходит.

Мое сердце бешено застучало, спина похолодела.

— Уважаемый, пройдемте с нами, — твердо сказал охранник.

Парень убрал от меня руки, посмотрел на проводника и охранника так, словно ему все равно, и протянул:

— Да мы просто общаемся, че!

— Прошу, уведите этого незнакомого мне человека! — в ужасе затараторила я. — Он домогается меня!

— Пройдемте в тамбур, — предложил охранник.

— Да че вы? — Парень встал с места, но обернулся ко мне и процедил: — А с тобой, сучка, на конечной разберусь.

Страх овладел каждой моей клеткой так же скоро, как мысль, что это добром не кончится. В стеклянных серых глазах парня я увидела ярость и злость.

Мне страшно. Страшно от того, что мне нужно будет как-то добраться до середины вокзала целой и невредимой после такой угрозы. Алина должна будет встретить меня ровно в семь часов утра, завезти домой, а после поехать на работу. Ей не дали выходной, просто запретили брать за свой счет, пригрозив увольнением. Алине ничего не оставалось делать, как отпроситься лишь на пару часов с учетом пробок. И я очень надеюсь, что, пока я буду искать сестру в толпе, ничего не произойдет.

Остальное время в поезде я подремывала или смотрела в окно. Уже ближе к Москве вагон стал заполняться, и я подумала, что вполне удачно могу скрыться в толпе выходящих, чтобы миновать опасного парня. Однако тревожные мысли от этого меня не покинули. Я все думала о том, что, возможно, лучше попросить помощи у проводника или охраны поезда, чтобы они проводили меня, но, с другой стороны, не выглядело бы это глупо?

Я все размышляла, пока за окном мелькали утренние пейзажи городов Подмосковья, а приятная поездная тряска слегка успокаивала меня.

Когда уже стали подъезжать к конечной станции, я быстро набрала маму:

— Доча, все в порядке? — Ее голос казался мне встревоженным и уставшим.

— Да, — успокоила ее я, всматриваясь в окно, за которым виднеются заборы и высотки, — буквально через пять минут я сойду на платформу.

— Только не забудь!!! Позвони мне, как тебя встретит Алина!

— Хорошо!

— Люблю тебя!

— И я. Скоро наберу, — произнесла я второпях и положила трубку.

Поезд начал притормаживать, а люди постепенно вставать со своих мест. Я взяла свой чемодан, сумку и направилась к выходу. Меня переполняли эмоции. До такой степени, что колени начали трястись. Вот он — новый лист жизни.

Выйдя на платформу, я была не слишком впечатлена. Даже больше разочарована.

Мне казалось, что вокзалы в Москве — это огромные и богатые архитектурные сооружения, которые сразу же покоряют сердца путешественников. Но нет. Самый обычный вокзал и, по всей видимости, только что отреставрированный. Сообразив, куда двинулись люди с платформы, я заковыляла за ними. Медленно, пытаюсь не наступить на чьи-то пятки в толпе. Чемодан был тяжеловат для меня, и, озираясь по сторонам, я искала свою сестру. Пройдя через металлический контроль, я продолжила искать Алину в толпе. Мне показалось, что я тут совершенно одна, и это чувство разгоралось в моей груди. Кто-то толкался, кто-то кидал ругательство через плечо. Москва мне сразу

же показалась городом суеты и невежества. И пока я витала в своих мыслях и переживаниях, чья-то крепкая рука похлопала меня по плечу.

— Ну че, сучка, поговорим?

Мои коленки подкосились от страха. Это был он. Тот самый парень, который приставал ко мне. Как он меня нашел? Я понятия не имела...

— Да что тебе от меня надо? — дрожащим голосом воскликнула.

— Правильный вопрос, — сказал он и крепко схватил сзади меня за шею так, что я едва могла дышать. — Это мы посмотрим у меня на хате.

— От... пус... ти! — завопила я, пытаюсь отбиться.

В его глазах вспыхнула неподдельная ярость, которая запылала огнем вожделения.

— Не рыпайся, — сказал парень и подтолкнул в спину, чтобы я шла вперед.

Я была в ужасе. Мало мне того, что не хватало воздуха, так я еще и была дезориентирована. Незнакомый город. Я не встретила сестру. Меня пытаются похитить или ограбить, и все это в первый день приезда...

Стоило мне хоть как-то дернуться, как парень сильнее сдавливал мою шею. Мы шли так, что никто не замечал, как он ведет меня, контролируя страхом и болью, которая пронзала меня от шеи до самых кончиков пяток. Страх не давал здраво мыслить.

И вдруг все изменилось.

Мы резко остановились, и тут же прозвучал бархатистый голос:

— Отпусти ее.

Я подняла глаза и ахнула. Передо мной стоял Дима.

Который заломил руку негодяя за спину и крепко держал — и тот, пытаясь вырваться из этой хватки, взвыл:

— Че ты лезешь не в свое дело?

— Слышь, будешь так со своими корешами базарить. Щас развернешься и пойдешь, куда глаза глядят. Понял?

Это было сказано таким тоном, что я похолодела. Дима защищает меня! Вот это да!

— Ты че, нарываешься? — снова дернулся парень.

— Ребят, не ссорьтесь... — сказала я и поняла, насколько это глупо прозвучало.

— Я ж с тобой по-хорошему, — сказал Дима и взял нахала за горло.

Тот начал кряхтеть и дергать головой, пытаясь ослабить хватку противника.

— Дима, отпусти его!

Но Дима меня не послушал. И, по всей видимости, правильно.

Он продолжал держать парня. На лице у Димы не дрогнул и мускул. Зато я нахально скользила взором по его мышцам, которые были напряжены. Футболка облегалась каждый бицепс, ровную накачанную спину и прекрасный торс. Неприличные

мысли вспыхнули на секунду, но, мотнув головой, я отбросила их.

— Сейчас отпущу, развернешься на девяносто градусов, и чтобы твой след простыл, уяснил?

— Ты... только... попробуй... — пробурчал парень, а затем мой защитник резко отпустил его. Тот схватился за свое горло и громко закашлял, жадно хватая воздух. Рука Димы отодвинула меня, так что я оказалась у Димы за спиной и стояла как дура, не зная, как поступить, да и вообще, разве нельзя по-человечески выяснить отношения?

— Иди, пока на костылях отсюда не ушлепал.

— Че ты сделаешь? Че? А? — не умолкал парниша, явно пытаюсь вывести жениха моей сестры на конфликт или драку.

Дима молча, ничего не отвечая, развернул меня, одной рукой приобнял за плечи, другой подхватил мой чемодан и повел к выходу. У меня пропал дар речи. Я совершенно не понимала, что только что произошло. Мысли путались в голове. Но я торопливо шагала и шагала, стараясь не отставать от Димы.

— Ты в порядке? — спросил он, не отпуская мои плечи.

— Да... — сказала я дрожащим голосом.

От его прикосновений у меня внутри порхали бабочки. Я так давно мечтала ощутить, как его руки меня обнимают, что почувствовала головокружение.

— А по тебе не скажешь. — Дима украдкой взглянул на меня.

Я заметила его ехидную улыбку.

— Хорошо, что я решил пойти тебе навстречу, если бы остался тут, в самом центре вокзала, то меня бы твоя сестра съела за то, что тебя потерял!

«Боже мой! Наверно, я вся горю от смущения...» — подумала я, отворачиваясь, чтобы Дима не заметил этого, дрожащим голосом спросила:

— А где Алина?

— У нее не получилось встретить тебя, — сказал Дима и убрал руку с моих плеч — народ шел плотной стеной. — Еще вчера вечером от нее потребовали ранним утром явиться в офис, чтобы подготовить презентацию.

— Опять сроки горят? — с обидой в голосе спросила я.

— Уж не знаю, что за сроки, но она могла бы и отказаться или взять за свой счет один день ради сестры... в общем...

Дима придержал дверь, чтобы я вышла первой. Мы оказались на улице. Утренний московский ветерок ударил в лицо. Было шумно. Машины ехали в несколько рядов, по тротуару шли люди. На тумбе сидел бездомный, просил милостыню, но на его живописные лохмотья и смятую коробку никто не реагировал.

Дима тронул меня за плечо, чтобы я не считала ворон, и указал, в какую сторону идти к машине.

— Ты же впервые в Москве?

— Да...

— Значит, нужно будет устроить тебе экскурсию!

— Звучит очень круто! — от смущения слишком громко воскликнула я.

Опомнившись, тут же вспомнила, что я должна позвонить маме, и судорожно стала искать телефон. Нашла, набрала ее номер — и мама практически мгновенно ответила.

— Мам, привет!

— Дочка! Как ты доехала?

— Все в порядке.

— Тебя сестра встретила?

Я взглянула на Диму. Сдавать сестру я не стала и ответила коротко:

— Да, мы вот идем к машине. Зарядка на нуле, я вечером тебе позвоню.

— Не забудь, дочка! — сказала мама, и я положила трубку.

— Контроль? — спросил Дима, нежно улыбаясь.

— Родители всегда волнуются.

— И ты не выдала сестру...

— На моем месте ты бы поступил так же.

Наши взгляды встретились. Мне стало неудобно — настолько ласково смотрели на меня эти изумрудно-зеленые глаза. И отведя взгляд, я едва избежала столкновения с каким-то мужчиной.

— Смотри, куда прешь! — выругался тот, не оборачиваясь.

— Извините, — обернувшись, сказала я ему, однако тот уже затерялся в толпе.

Тяжело вздохнув, я бросилась догонять Диму, который уже оглядывался, высматривая, что же со мной случилось на этот раз.

Приближаясь к машине, я не могла оторвать взгляда от того, как Дима закидывает мой чемодан в багажник. Парень был одет легко: джинсовые шорты, белое поло, кроссовки такого же цвета. И снова я почувствовала жар на щеках. Спокойно, спокойно...

Закрыв багажник, Дима подошел ко мне и, крепко сжав мои плечи, приблизил свое лицо к моему. По спине у меня тут же пробежал табун мурашек.

Дима... Я, не отрываясь, смотрела в его глаза, чувствовала свежее дыхание.

— Ну что, готова прокатиться по Москве? — спросил Дима.

Разве я могла ответить «нет»?

Глава 3

Дмитрий

Вера как-то странно смотрела на меня: не то с опаской, не то с интересом. Сестра Алины очень молчаливая и вечно стесняется: из-за этого я всегда чувствую себя неловко, думая о том, что чем-то ее обидел.

Я открыл переднюю дверь и сказал:

— Давай, смелее!

На Вере был красивый сарафан цвета морской волны, который идеально подчеркивал ее голубые глаза. Она была совсем не похожа на свою сестру: большая грудь, тонкая талия и пышные бедра. Вера вечно скрывала их под длинными юбками, что, на мой взгляд, было неправильно. Ее темно-русые волосы были собраны в высокий хвост.

Вера не сразу села в машину. Вначале осмотрела салон, а потом уселась на сиденье. Захлопнув дверь, я перебежал к водительскому месту. В Москве стояла солнечная и жаркая погода, поэтому салон успел нагреться. Заведя машину и пристегнувшись, я снова посмотрел на Веру и произнес:

— Куда вы хотите отправиться сегодня, путник?

Она в недоумении посмотрела на меня, будто бы я рассказал ей теорию о черных дырах Хокинга.

«Она шуток не понимает?» — подумал я и закурил губу. Или это я слишком активно пытаюсь поднять её настроение?

— Даже не знаю, — буркнула Вера и отвернулась к окну.

— Ты не голодна? — спросил я, вырুলывая с парковки на дорогу.

— Нет, — сказала Вера, вжавшись в сиденье.

Я включил музыку и кондиционер. Холодный воздух постепенно заполнял машину, заставляя забыть о жаре. Из колонок играло радио «Европа Плюс», какой-то чарт популярных песен.

— Если ты хочешь, мы можем вначале заехать домой, а потом устроить экскурсию, — сказал я, перестраиваясь в соседний ряд, где было меньше машин.

— Да, можно, — застенчиво ответила Вера.

— Эй! Точно все в порядке?

Я взглянул в ее голубые глаза. Она смотрела на меня исподлобья. Что ж это за взгляд?.. Светофор показывал красный свет, и я остановился.

И все-таки они безумно разные с сестрой. От Веры исходит какое-то девичье очарование, в отличие от строгой Алины. Моя невеста всегда знает, чего хочет. Это и подкупило меня с первого дня нашего знакомства. Но Вера... Полная ее противоположность. Моя мама назвала бы ее кисейной ба-

рышней, только дыхнешь, и в обморок упадет. Но... что-то в ней меня пленило, и это было не любопытство. Быть может, я просто-напросто взбесился, когда увидел, как на Веру кинулся тот негодяй? Или же... это осознание, что на мои плечи легла огромная ответственность за сестру Алины?

Я резко отвел взгляд, чтобы собраться с мыслями. Как развеселить Веру, чем занять до того момента, когда приедет Алина? Перед отъездом она мне сказала: «Ну погуляй с ней, покажи Москву, где-нибудь перекусите. В конце концов, своди ее в зоопарк. Она еще ребенок».

«Ага, как же, ребенок», — подумал я, вновь украдкой посмотрев на Веру. Быть может, для Алины она всегда останется ребенком, но... в моих глазах она уже взрослая девочка.

Да и выбора у меня нет. Вдавив педаль газа в пол, я тронулся чуть быстрее, чем ехал ранее. Москва полностью стояла в сторону центра. Вера тоскливо смотрела в окно, а я, как придурок, думал: как ее развеселить? Не слишком ли она перепугалась, когда приключилась эта канитель с ней на вокзале? Можно ли об этом говорить с Алиной или лучше умолчать?

И даже любимые песни не расслабляли меня. Я ощущал какое-то напряжение между нами и понимал, что веду себя как минимум странно. Я выехал на проспект Мира. Дорога оказалась свободной в сторону ВДНХ, поэтому я смело сказал первое, что, на мой взгляд, было логичным:

— Давай сейчас заедем домой, ты расположишься, а после займемся, чем ты захочешь.

Вера лишь что-то промычала в ответ.

Мне показалось или ей действительно неуютно со мной находиться? Но, почему? Эти мысли не давали мне покоя. Я покрепче обхватил руль и стал тихонько напевать песню. Вера, наконец, прервала молчание, спросив:

— А вы далеко живете от центра?

— Не особо, мы живем на «ВДНХ».

Вера замолчала, а после с дрожью в голосе спросила:

— А это что такое?

— Так называется станция метро. Мы живем чуть дальше, ближе к парку.

— Там есть парк?

— Да, — я улыбнулся ей самой ослепительной улыбкой. — Он очень красивый по вечерам!

— Здорово, — произнесла Вера, улыбнувшись кончиками губ. На ее щеках появились маленькие кокетливые ямочки.

«Точно ребенок», — подумал про себя и свернул на улицу, что вела к нашему дому. Молчание меня напрягало, и мне казалось, что я чем-то обидел Веру, хотя, по правде говоря, ничего такого я не сделал. Поэтому, чтобы как-то начать общение, я поинтересовался:

— Как добралась?

Вера начала теревить подол своего сарафана. Ее что-то терзало, но что... Я не знал.

— Неплохо, — выдохнула она наконец-то. — Не считая того, что произошло...

— Где ты его подцепила?

Не услышав ответа, я понял, что сказал что-то не то. Точнее, не так выразился. Укол совести пронзил сердце, и я решил сразу же исправить ситуацию:

— Ну... то есть как так вышло?

Вера облизала пересохшие губы и едва слышно ответила:

— Я сидела в вагоне и читала книгу, когда ко мне... ну... то есть...

Я понял, что ей сложно даются свежие воспоминания после такого происшествия, поэтому помог ей:

— Он к тебе начал приставать?

— Да, — кивнула Вера.

— А что было дальше?

— Он подсел ко мне... начал приставать, потом...

Очередной тяжелый вздох Веры ранил меня сильнее, чем вся эта ситуация. Ну что же она так мучается? Ну как ей помочь?

— Потом пришли проводник и охранник. Парень крикнул мне, что разберется со мной, как приедем на конечную... собственно...

— А потом случилось то, что я видел?

— Да...

Ее тихое «да» настолько неуверенно сорвалось с ее губ, что я поежился.

— Ну, самое главное... — с облегчением вздохнул я, — что сейчас с тобой все в порядке!

— Спасибо, — добавила Вера, не поднимая глаз.

Я усмехнулся:

— Всегда пожалуйста.

Минут десять мы ехали молча. Вера, по всей видимости, еще не могла адаптироваться к новому повороту ее жизни, а у меня никак не получалось подобрать такие слова, которые хоть как-то разогнали бы неловкое молчание.

Подъехав к дому и заглушив мотор, я нарочито бодро сказал:

— Ну, вот мы и приехали. Выходим!

Но Вера продолжала сидеть, внимательно глядя в окно, будто бы боялась выйти из машины. Я вышел из машины, наклонился к окошку Веры и спросил:

— Ты тут решила остаться?

— А?.. Нет, — Вера вздрогнула от моего вопроса и поспешила открыть дверцу.

Достав из багажника чемодан, я увидел любопытную картинку: растерянная Вера стояла у машины и оглядывалась по сторонам. Ветер слегка ворошил ее волосы, раздувал юбку сарафана.

Я помнил Веру совсем крошкой. Будто бы только вчера подарил ей игрушку — не то мышонка, не то котенка. Она засмеялась и сказала спасибо. А спустя шесть лет из нее выросла прекрасная девушка, что стоит сейчас передо мной.

Она красивая. И я ловлю себя на мысли, что она куда красивее, чем Алина. Но...

Голос Веры привел меня в чувство.

— Пойдем в дом? — произнесла она, слегка выгнув бровь. Сложила руки в замок перед собой и улыбнулась.

Я помотал головой, закрыв рот. «Надеюсь, она этого не заметила», — подумал про себя, и мы зашли в подъезд.

В лифте мы ехали молча. Вера опустила взгляд, а я, ничего не придумав, стал смотреться в зеркало. И вот что мне теперь делать с этим молчаливым ребенком целый день?

Глава 4

Вера

Дима любезно открыл передо мной дверь и сказал:

— Заходи!

Переступив порог, я оглянулась по сторонам.

Квартира, в которой жили Алина с Димой, была огромной. Светлой, оформленной в очень изящном стиле. В дизайне присутствовали три цвета: бежевый, зеленый и коричневый.

— Вот ты и тут! — воскликнул Дима, разуваясь и кладя ключи на высокий узкий комод. — Пойдем, покажу твою комнату!

Он взял чемодан, дав мне время разуться. Я осматривала помещение, все еще удивляясь тому, насколько это красивая квартира. Кухня и санузел были слева. Кухня переходила в большую гостиную. Справа был коридор, в конце него — еще один санузел, а напротив друг друга — две двери. Дима свернул в левую дверь, и я осторожно ступила за ним.

Большая комната, светлая и просторная, встретила меня распростертыми объятиями. Шкаф-ку-

пе с огромным зеркалом, широкая кровать, комод с телевизором, туалетный столик с зеркалом. Здесь было все необходимое. Дима внес мой чемодан.

— Как тебе? — спросил Дима, упершись руками в бока. Его поза напомнила мне позу сахарницы, от чего я невольно хихикнула.

— Она потрясающая! — сказала я, оглядывая каждый сантиметр комнаты.

— Напротив твоей — наша комната, — произнес Дима, указывая на другую дверь. — В квартире два санузла, один вот тут, другой — около кухни.

У меня складывалось ощущение, что он прекрасный риелтор, который хочет продать мне квартиру.

Дима повел меня за собой в их комнату. И тут я охнула от красоты.

Стильно, дерзко, ничего лишнего.

Также три цвета: бежевый, темно-коричневый, зеленый. Огромная кровать на мини-подиуме будто бы стояла на деревянных подставках, шкаф-купе, узкая книжная полка, балкон с двумя креслами. Два комода и маленький рабочий стол, на котором стоял ноутбук.

Я еще раз взглянула на кровать и нервно сглотнула, представив, как Дима... Нет, хватит об этом думать. Нужно помнить слова мамы.

Любовь любит тишину.

Мы проследовали дальше и вошли в гостиную. Она мало того что переходила в кухню, так еще имела небольшой закуток. В гостиной стоял диван,

журнальный столик и большой телевизор с приставками. А дальше я увидела маленькую дверь.

— Вот тут моя рабочая зона, — сказал Дима, приглашая меня в его рабочий кабинет.

Два больших монитора красовались на столе, рядом — компьютерный стул. А еще какой-то стеллаж, заполненный бумагами.

— И кем ты работаешь? — с опаской спросила я.

— Графический дизайнер.

— То есть... ты что-то рисуешь на компьютере?

— На планшете, — улыбнулся он.

«Черт! Какая-же у него крутая улыбка!» — подумала я и, отвернувшись, вышла в гостиную.

Тягучий ком горечи застрял в горле, я едва его сумела проглотить, чтобы привести себя в порядок, я похлопала ладонями по щекам, тряхнула головой.

Дима, кажется, этого не заметил или сделал вид, что не заметил. Просто продолжил экскурсию по квартире — привел меня на кухню.

Кухня была огромной, с красивой барной стойкой.

— Это кухня, — объявил Дима, остановившись около плиты.

— Очень впечатляет....

— Вот такая квартира.

— Очень классно! — сказала я. — Стильно, уютно... — повернулась обратно к Диме и увидела, как он стоит, опершись рукой о дверной косяк.

— Ну, Алина считает иначе. — Его кривая ухмылка и этот взгляд исподлобья... Я чувствую, как из-под ног уходит земля.

Только дыши, Вера, только дыши...

— Она всегда была упрямой, — подметила я, снова развернувшись, прижав ладони к щекам и придумывая какую-то отговорку, чтобы скрыть свой румянец. — Я переоденусь, ладно?

— Конечно! — уже на полпути к своей комнате услышала я.

Влетев в комнату, закрыла дверь.

Сердце бешено бьется в груди.

Ноги подкашиваются.

Сажусь на кровать. Чувствую, как стало жарко и душно.

Горло что-то сковывает.

«Просто я перенервничала, ведь так? Или нет? Мне ни в коем случае нельзя проявлять к нему какие-то эмоции, нельзя показывать чувства. Иначе... Нет, я не хочу думать об этом».

Открываю чемодан и раскладываю вещи. Что-то вешаю в шкаф. Понимаю, что долго копашиться не стоит, потому что меня ждут, поэтому решаю, что стоит надеть другое платье — черное в мелкий белый горошек. Погода обещает быть жаркой, и, чтобы уж совсем не сгорать от всего свалившегося на мою голову, лучше перестраховаться...

Пока натягивала платье на себя, услышала какой-то шорох. Застегнув молнию на спине, я вытащила босоножки, взяла их в руку и, прихватив мини-сумочку, подошла к двери. Послышался отдаленный голос Димы. Я тихо открыла дверь. Он

с кем-то говорил то ли в гостиной, то ли на кухне. Я медленно вышла из комнаты.

— Алин, я не знаю, что с ней делать! — говорил Дима полусшепотом.

В трубке что-то говорила сестра.

— Слушай, я не нянька ей. Она взрослая девушка и... Алин! Это, в конце концов, твоя сестра, Господи Боже! Я не могу нянчиться с ней всю неделю, потому что у тебя важная подготовка...

Нянчиться. Вот так вот, значит?

Я в его глазах ребенок.

Просто обычный ребенок, которого скинули, чтобы освободить себе время.

Что ж.

Раз я ребенок, так даже легче.

Теперь я хотя бы знаю, что он думает обо мне.

Глава 5

Дмитрий

Алина меня взбесила. Могла хотя бы сказать, что нравится ее сестре, чтобы мне было легче занять ее каким-то делом.

Я тяжело вздохнул.

Взглянул на часы. Было около девяти утра. Направился к комнате Веры. Дверь была слегка приоткрыта.

Набрал воздуха в легкие, чтобы хоть как-то собраться с мыслями, и, постучавшись, спросил:

— Вера, ты готова?

— Да, — сухо сказала она.

Я открыл дверь и вошел.

Этот «ребенок» сидел на кровати и что-то неустанно набирал на экране телефона. Из-за спины увидел лапку мягкой игрушки, которая торчала из портфеля.

Неужели она до сих пор хранит эту игрушку?

— Это та самая игрушка, которую я тебе подарил? — не удержавшись, спросил я.

Вера испуганно подняла глаза. Ее щеки зарумянились. Она демонстративно повернула голову

влево, чтобы посмотреть на игрушку, и вполголоса ответила:

— Да, а что такого?

Ее голубые глаза смотрели на меня с непониманием. Ответ был настолько резким, что я немного замешкался. Стоял, как дурак, сложив руки на груди.

— Ну, ты... это... — почесав затылок, я продолжил, — пойдем, парк покажу.

— Хорошо, я сейчас, — сказала она и снова уткнулась в телефон.

Хотел было что-то сказать, но молча развернулся и пошел на кухню.

Зачем ей игрушка, которую я подарил ей черт знает сколько лет назад?

Я думал об этом, пока наливал ледяную воду в стакан. Мне было не совсем ясно, зачем Вера притащила ее с собой, ведь... Ей восемнадцать лет. Она уже взрослая девушка, которой уж явно думать не об игрушках.

— Наверно, это просто талисман? — сказал я еле слышно и хотел было сделать глоток воды, как сзади послышалось:

— Да, талисман. И что?

Я от испуга выплюнул всю воду обратно:

— Господи, Вера! Ты чего так подкрадываешься?

— Ты просто не слышал, — сказала она, окинув меня презрительным взглядом. — Полотенце дать?

— Не надо.

Вера стояла и смотрела на меня так, будто бы я сделал что-то мерзкое. Ее глаза, как льдины, были холодны и безразличны.

Меня даже передернуло от всего этого.

Я громко вздохнул и, заметив, что футболка намочла, цокнул языком.

— Я сейчас, — и направился в комнату, чувствуя на себе взгляд Веры.

И как из милого ребенка она стала вот такой... холодной? То она молчит, создавая такую неловкость, что мне, повидавшему много в этой жизни, становится неуютно. То она подкрадывается сзади и пытается язвить.

Вынув из комода чистую футболку, я быстро переоделся, а эту оставил лежать на кровати, чтобы высохла.

Пошел обратно на кухню и увидел, как Вера стирает со стола тряпочкой остатки воды.

— Вер, да я сам убрал бы.

— Мне несложно, — сказала она, не оборачиваясь.

Закончив, она одернула платье и, взяв свои босоножки, произнесла:

— Идем?

— Да.

Она демонстративно, точно белый лебедь, выплыла в прихожую и надела босоножки.

Я смотрю на все это и думаю про себя: то ли я не выспался, то ли Вера еще та штучка, которой палец в рот не клади. Как уснувший вулкан, она может

взорваться и окатить, господи боже, шквалом эмоций — если вдруг что-то будет сказано не так, как ей нравится.

Выйдя из подъезда, мы окунулись в прогретый до тридцати градусов московский воздух. Мне казалось, что даже богатая шевелюра листвы не спасает асфальт от жгучего солнца.

Вера рассматривала огромные дома, внимательно изучая все, что ей попадалось на глаза.

— Практически ничем не отличаются они от других городов, — вдруг промолвила она, увидев очередной девятиэтажный дом.

— Архитектура в России везде одинаковая. Строили же давно.

— Ага.

Я сунул руки в карманы и медленно пошел в сторону метро.

— А мы что, не на машине? — воскликнула Вера, догнав меня.

— Конечно, нет, — ответил я ей, усмехнувшись. — Тут рукой подать до парка!

— А, ясно...

Мы прошли через подземный переход.

Солнце пекло так сильно, что я огорчился, что не взял с собой кепку. Люди лениво куда-то шли, некоторые продавали какие-то мелочи, зазывая к себе. Вера все внимательно оглядывала, однако старалась не отставать от меня. Выйдя к Музею космонавтики, она ахнула:

— Вот это да!